

Сидя рядом с кроватью, Баатар погладил Саранай по щеке и направил свою энергию Ци, отдавая все, что мог, молясь, чтобы она проснулась. Грубая имитация метода лечения мальчика, едва достаточная, чтобы закрыть колотую рану, не говоря уже о чем-то более серьезном, но это все, что он мог сделать для своей глупой жены, своей прекрасной розы. Видеть ее такой, как сейчас, было для него больнее любой раны, такая тихая и молчаливая, в отличие от ее обычной энергичной натуры. Даже ребенком она была полна огня и кислинки, ужас деревни, проказница и шалунь. Не раз он оказывался в ее власти, пока не понял, что лучше стоять рядом с ней, чем на ее пути. С тех пор они были неразлучны.

Ему не следовало соглашаться на это назначение, особенно не посоветовавшись с ней. Его жажда славы и битвы вынудила ее покинуть их безопасный дом и отправиться на передовую, которая полна опасностей и предательства. Даже тихий вечер в честь их свадьбы был испорчен, превратившись в отчаянную борьбу за их жизни. О чем он думал, прося ее покинуть их мирный дом, подвергая ее и свою семью опасности? Нежно взяв ее руки, он поцеловал их и прошептал:

—Пожалуйста, проснись, моя любовь, я потерял без тебя. Я обещал привезти тебя домой и намерен выполнить это обещание. Мы проживем наши дни в деревне, без Железного Знамени, без ответственности, только ты, я и наша семья, вместе. Пожалуйста...

Измученный Ци, он разгладил ее одеяла и рухнул в кресло, положив щеку на подушку рядом с ней, пытаясь восстановить Равновесие и пополнить свои запасы. Как долго он этим занимался? Наступил новый день, а значит, это был первый день седьмого месяца, две ночи с тех пор, как Саранай получила травму. Сон звал его, но он стряхнул его, стараясь не потревожить Саранай. Сейчас, как никогда, их любовь нуждалась в его поддержке, и ничто не могло оторвать его от нее. Как глупо было с его стороны верить, что у них впереди еще десятилетия совместной жизни, когда он так много времени проводил вдали от нее. Теперь он знал, что каждая свободная секунда должна была быть потрачена на любовь всей его жизни, на то, чтобы лелеять и баловать ее всей своей душой, вместо того, чтобы скакать со знаменем и скакать без нее.

Упрямая, сварливая женщина, это было бы похоже на нее - умереть раньше времени, чтобы выиграть спор.

Легкий стук в дверь заставил его насторожиться.

— Папа? — Его драгоценная дочь Альсансет заглянула в комнату, неся поднос с едой. — Тадук сказал, что ты давно не ел, поэтому я попросила Чарока приготовить тебе что-нибудь.

— Девочка моя, входи. — Избавив ее от мимолетной улыбки, он придвинул к ней стул. — Я не голоден, но пойдем, посиди с мамой. — Не нужно ее упрекать, но он солгал бы, если бы сказал, что не разочарован. Правда, у нее была своя семья, но почему она до сих пор не могла уделить несколько часов больной матери?

— Папа, тебе нужно поесть, твои раны еще не полностью зажили. Когда ты в последний раз спал? Как следует спал, лежа в постели? Ты должен позволить Тадуку взглянуть на тебя.

— Ба, я не стану слушать, что говорит этот заяц. — Хотя Баатар пропустил первое упоминание, девушка настояла на том, чтобы в разговор вмешался этот хвастун. — Святой медик, твою мать. Сколько раз ты слышала, как он хвастался, что исцеляет все "кроме смерти"? Но где он сейчас, когда Сарнай нуждается в нем больше всего? Его нигде не найти, он шарлатан.

Отставив поднос, девушка со вздохом села рядом с ним, прислонившись к его плечу.

— Он занят тем, что помогает солдатам, папа, твоим солдатам. Большинство целителей стали мишенью в первой волне атак, необходима каждая свободная рука.

— Чужаки и посторонние, — фыркнул он, обнимая ее. — Хватит, девочка, я не буду спорить с тобой у постели твоей матери. Ты такая же, как она, раздражаешь меня, как всегда.

— Я тоже скучаю по ней, папа.

— Не говори о ней так, будто она уже мертва, — прошипел он резче, чем намеревался. — Твоя мать еще жива и будет жить. Она родилась в семье Харди. Они были еще до твоего рождения, но твои бабушка и дедушка были невероятными воинами, научили ее всему, что она знает. Если бы не ... — он оборвал себя и покачал головой, похоронив печальные воспоминания. Взяв руку Саранай, он испустил вздох надежды. — Она скоро проснется, я знаю. — Мама, помоги мне, пожалуйста, дай ей проснуться. — Когда мы были молодыми, мастера называли нас — ужасы Бекхая. Видела бы ты нас, когда я возглавлял атаку, а она охраняла мои фланги, гармоничный дуэт на поле боя и вне его, нам противостояла сама Мать.

— Папа, посмотри на меня. — Прошло несколько мгновений, прежде чем он смог оторвать глаза от Саранай и повернуться, чтобы посмотреть на свою дочь. Обычно такая гордая и сильная, девушка сидела со слезами на глазах, темными кругами под ними, ее одежда была испачкана следами битвы, когда она молча молила о помощи. Таким слабым и уязвимым, он не видел ее лицо, с тех пор как, она не раз грозила сбежать с Чароком. — Ты считаешь меня незамужней? Ты веришь, что я, твоя дочь, не забочусь о маме?

Обняв ее, он погладил по волосам.

— Конечно нет, девочка, ты замечательная дочь. Мы с твоей матерью так гордимся тобой, мы очень любим тебя.

— Тогда почему, по-твоему, я так долго ждала?

Удивленный вопросом, Баатар покачал головой и ущипнул девочку за щеку, как делал, когда она была ребенком.

— Не волнуйся, девочка, ты уже здесь. Это все, что имеет значение.

Девушка взяла его руки в свои, такие маленькие и ловкие по сравнению с его собственными. Так странно, дочь не их крови, но все же так похожа на них. Его прямолинейное отношение и страсть к тренировкам в сочетании с доброй душой Саранай и неукротимой волей, Алсансет взяла лучшее от родителей, драгоценный ребенок, которого они хорошо воспитали. — Папа, — сказала она, вытирая слезы о плечо, — судьба мамы теперь в руках Матери, Ты должен принять это.

Отдернув руки, он ахнул от шока.

— Глупое дитя! Твоя мать лежит здесь совершенно здоровая. Она проснется, не смей говорить иначе.

Девушка покачала головой.

— Она умерла у тебя на руках, папа, задолго до того как ты нашел Тадука. Он пытался

объяснить, но ты настоял, чтобы он вылечил ее. Ее тело здоровое, но душа ушла. Это всего лишь пустая оболочка. Возможно, со временем ее душа вернется, но ты ничем не сможешь ей помочь. — Осторожно потянув его за руку, она напомнила ему времена своей молодости, когда она умоляла позволить ей покататься на квине. — Стена может упасть. Ты должен выполнить свой долг и защитить Провинцию.

— Мой долг перед женой, твоей матерью. — Повернувшись к Саранай, он продолжил направлять свое Ци, чтобы исцелить ее. — Стена простояла без меня тысячелетия и простоит еще тысячелетия. Мое место здесь, рядом с ней.

— Генерал-полковник Ниан Зу ранен и выведен из строя, командование принял Ситу Цзя Ян. Это катастрофа, папа, у человека нет навыков командования солдатами, он постоянно на задней ноге против врага. Хань Бохай пытается заставить его понять это, но Цзя Ян не только некомпетентен, но и упрям. Мы нуждаемся в тебе, папа, даже если ты не выше его по рангу, контроль над стеной и ее солдатами твой, пока ты там. Тогда у Цзя Яна не останется выбора, кроме как подчиниться.

— Хватит, девочка, я не уйду.

— Папа, ты не понимаешь--

— Нет, ты не понимаешь! — Девушка подпрыгнула от его рева, обиженная и испуганная, но он продолжал. — Разве ты не понимаешь? Она здесь из-за моей гордости, моего высокомерия. Я привел ее на передовую, я подвергал ее опасности. — Его голос затих, а горло сжалось, пытаясь сохранить равновесие, чтобы продолжать заботиться о Саранай. - Пока мы дрались в ресторане, я не беспокоился о ее безопасности. Нет, я был рад, что она сражается на моей стороне. Это заставило меня снова почувствовать себя молодым, и я потерял себя в воспоминаниях о лучших временах. — Его плечи дрожали, слезы текли по лицу, равновесие было вне досягаемости. — И она заплатила за то, что я отвлекся. Если бы не мои раны, она бы никогда не потеряла бдительность. Всегда держала себя в руках, если только кто-то, кого она любит, не в опасности.

Девушка снова положила голову ему на плечи, обняла его и заплакала.

— Ты не можешь винить себя за это, папа. — Они сидели молча, как семья, объединившаяся в трудную минуту. — Тогда что мне сказать остальным? Поговаривают об эвакуации гражданских.

— Делай, что должна, я доверяю твоему суждению. Если понадобится, обратитесь к Гурде за советом, она понимает ситуацию лучше, чем я. — После нескольких минут молчания девушка поцеловала мать на прощание, в последний раз обняла его и ушла. К тому времени он достаточно успокоился, чтобы возобновить исцеление, продолжая лечение, несмотря на свои жалкие навыки и истощенные запасы Ци. Пока она дышала, он не отходил от нее. Когда она откроет глаза, он будет ждать ее здесь. Это меньшее, что он мог сделать.

Даже если провинция сгорит дотла, он останется здесь, заботясь о своей любви, жене, прекрасной Саранай.

Лес ожил ранним вечером, ночные твари появились, чтобы преследовать свои владения,

молодая луна едва освещала небо. Рожденный и выросший в городе, Тонг Да Фунг нашел лес таким нервирующим, что его зубы уже коснулись ногтя большого пальца, прежде чем он поймал хмурый взгляд своего "слуги", Фу Чжу Ли. Безусловно, легкий упрек, легкое поджатие губ, легкое шевеление круглых ушей на макушке - это еще не сердитый взгляд и рычание, но любое негативное внимание со стороны мастера пыток, каким бы лояльным он ни было, все же было... неприятно.

Опустив руку, он кивнул в знак благодарности Чжу Ли, заработал еще один хмурый взгляд поверх молчаливого послания.

— Тысяча извинений, но молодой господин, я должен это сказать. Это серьезная ошибка — проявлять беспокойство перед своими солдатами. Командир должен всегда вести себя спокойно и сдержанно. И молодой господин не должен благодарить простого слугу, важно, чтобы ваши солдаты видели в вас нечто большее, чем просто человека, образец, который унижается и ходит среди них. Я предостерегаю молодого мастера, чтобы он лучше следил за своими действиями.

На середине второго кивка Фунг поморщился и закрыл глаза, борясь с желанием вздохнуть. По крайней мере, полуживотный - палач не будет ждать ответа, когда вся свита будет ждать в полной тишине. Это была худшая часть битвы - ожидание, в тишине которого не было ничего, кроме сомнений. Так много времени, чтобы изучить план и вообразить все и вся, что может пойти не так, тем более тревожно, учитывая, что это был его план, хотя и сильно измененный во время обсуждений. Как он, возможно, самый слабый из них, оказался в положении лидера? Это ошеломяло разум.

Стой, дурак. Развалится ли Рейн на куски в такой ситуации? Нет, он будет грызть камни, готовый броситься в драку. Кроме того, когда ты вернешься, у Ментора будут вопросы насчет быстрого роста Рейна, и она удвоит твоё обучение, так что не давай ей больше поводов сделать тебя несчастным. Воспоминание о Рейне заставило его покачать головой, чтобы выбросить из головы мысли о безопасности друга. Лидер должен оставаться холодным и бесстрастным, ибо жизнь висит на волоске от любого решения. Судьба Рейна была в руках Матери, и Фунг ничего не мог поделать, кроме как решить стоящую перед ним проблему.

На севере Ситу Цзя Зиан ждал в засаде со своей свитой ветеранов, а напротив него Дастан Жандос отражал действия на Юге. Включая его самого, ожидавшего на Востоке, три отряда ждали два события: во-первых, чтобы свита Хань Бошуи заняла позицию, и во-вторых, чтобы передовые разведчики закончили отстреливать вражеских часовых. Все шли пешком, план требовал осторожности, и фыркание одной лошади могло выдать их. Трудно подойти незамеченными, учитывая отличный выбор лагеря противника, небольшая, скрытая поляна на вершине холма с маршрутами отступления во всех направлениях. К счастью, леса Саньшу были густыми и зелеными, с большим количеством теней, чтобы спрятаться даже для этой разношерстной коллекции городских солдат.

Он лениво гадал, как другие офицеры справляются с давлением. Странно, но Чистка, казалось, сблизилась четырех молодых офицеров, особенно Рейна и Дастана, с их взглядами во время встречи. По правде говоря, Фунг чувствовал себя среди них чужаком, что усугубляло его удивление, когда остальные с готовностью согласились с его планом. Цзя Зиан был таким же, как всегда, холодным и отчужденным, в то время как Дастан был более нетерпеливым и оживленным, огонь горел внутри него с тех пор, как он принял участие в Чистке. Однако больше всего изменился Бошуи, его озорной, насмешливый тон почти исчез, особенно перед лицом предательства кузена. Неудивительно, что он вызвался добровольцем на самую опасную позицию, Фунг обливался потом, даже думая об этом. Он и остальные нападут с трех сторон,

убивая врасплох и загоняя врага на Запад, вместо того, чтобы загнать его в ловушку и сражаться с ним до последнего человека. Бошуи было поручено удерживать бегущего врага на месте до тех пор, пока Фунг и остальные не закончат уборку лагеря, что было непросто, учитывая уровень мастерства их противника.

План еще даже не был разработан, и многое могло пойти не так.

Заместитель Фунга, Ман Го Эр, отправил сообщение.

— Молодой Магистр, офицер Хан на месте, и разведчики доложили, что с часовыми покончено. Мы ждем Вашего приказа.

Кивнув в ответ, он поднял руку и сжал кулак, давая сигнал продолжать, Го Эр передал приказ остальным. Двигаясь по темному лесу, отряд Фунга казался ему разъяренным быком, хотя это было всего лишь его разыгравшееся воображение. Враги тоже не привыкли к лесам, они не такие мастера леса, как Бекхаи. Успокойся, медленно и спокойно, они устали, готовы ко сну, считая себя хорошо защищенными. Элемент неожиданности находится в ваших руках, используй его в своих интересах.

Держа алебарду в руке, он почувствовал облегчение. Тридцать пять килограммов - немного чересчур, учитывая, что даже самый тяжелый из кувалд обычно весил меньше двадцати, - он потратил месяцы, оттачивая свое тело, чтобы лучше владеть впечатляющим оружием. Хотя он и раньше использовал его в рейдах, это был его первый раз, когда он использовал его без наставника, и во время его первого плана, приведенного в движение, одних кольев было достаточно, чтобы парализовать маленького человека страхом.

К счастью, он был не маленьким человеком. Он был Тонг Да Фунгом, и ничто, кроме абсолютной победы, не могло его удовлетворить.

С юга донесся крик, какая-то несчастная наткнулась на отряд Дастана, и вражеский лагерь ожил. Хорошо обученные, они были достойными противниками, чтобы испытать себя, не варварскими дикарями Севера, но опытными воинами. Его кровь воспламенилась внутри, он поднял свою алебарду и ударил.

— За победу!

Легкая, как перышко, рука Фунга одним ударом раздавила вражеского воина. Его гордость быстро улетучилась, когда товарищ мертвеца взорвался яростью, аура врезалась в Фунга и на мгновение наполнила его тревогой. Стоя позади него, аура Чжу Ли незаметно защищала его, в то время как аура Го Эра сталкивалась с многочисленными аурами врага. Претенденты были элитой, их навыки оттачивались тяжелой практикой, аскетическим образом жизни и горячей верой, но они не привыкли сражаться против солдат.

В свите Фунга находились лучшие солдаты, какие только мог предложить Шэнь Хо.

Металлический вихрь его оружия пел ему, когда он наносил и наносил удары, рубил и парировал, пробиваясь в сердце лагеря. Прыгнув вперед, он сделал выпад и взмахнул своим оружием вверх по дуге, пролетев мимо часового Претендента и пронзив его голову. Одного взмаха рукояти было достаточно, чтобы вырвать оружие из черепа мертвеца, и с высоко поднятым острием он поднял его в двуручном ударе, приземлившись на другой меч претендента и вонзив его ему в лицо. Резко повернув его влево, он сбил с ног двух Претендентов с приятным для него хрустом костей.

Формы говорили с ним, пока он танцевал со смертью, разбрызгивая кровь и внутренности вокруг себя, как молодой бог. У него перехватило дыхание, когда он увидел Цзя Зиана, выходящего с Севера, с каменным, как всегда, лицом. Его двойные сабли кружились вокруг него, с легкостью рассекая противников, узор его мерцающих клинков едва отклонялся, когда он сражался, изящный и спокойный посреди хаоса. У Цзя Зиана не было кормилицы, у него была собственная аура, которая защищала его, и он сражался в одиночку, безнаказанно убивая при приближении.

На Юге Дастан был в звериной ярости, жестоко рубя Претендента, крича о возмездии и расплате, а его топор поднимался и опускался снова и снова. Хотя и не столь впечатляющие, как Зиян, солдаты Дастана были на голову выше, когда сражались группами, умело настраивая своего лидера на смертельный удар. Два разных стиля, один одинокий и элегантный, другой грубый и коллективный, оба достойны Тонг Да Фунга.

Со временем, благодаря упорной работе и наставничеству учителя, он был уверен, что превзойдет их обоих.

Зиян заметил врага и бросился на него, бросая вызов Кровавой Жрице. Фунг бросился ему на помощь, но не из-за беспокойства за Зияна, а потому, что увидел неподвижное тело Рейна, перекинутое через спину лошади. Женщина кричала и бредила о своем долге, выполняя волю Матери, но Фунг закрыл уши от ее глупостей и проложил себе путь к ней. Собравшись на защиту своей Жрицы, фанатичные Претенденты удвоили свои усилия, блокируя Фунга и Зияна, не заботясь об их жизнях, в то время как Жрица поехала на Запад, в лес, с Рейном и несколькими Претендентами.

Битва в лагере закончилась в считанные минуты, все Претенденты были убиты, до последнего человека, это дало Жрице время сбежать. Тяжело дыша, оглядывая поле боя, Фунг выкрикивал приказы.

— Все солдаты, слишком раненные, чтобы бежать, остаются здесь, остальные со мной.

— Побегав в лес, он помолился Матери, чтобы Хань Бошуи выполнил свой долг и спас Рейна, может быть, даже взял Шрайк в заложники. А если нет? Неважно. Кровавая Жрица думала, что сможет украсть Рейна, чтобы замучить его до смерти, но она ошибалась. Пусть ее смерть и смерть любого, кто осмелится помочь ей, послужат предостережением миру.

Падающий Рейн, воинственный племянник Тонг Да Фунга, Непобедимой Бури, не должен был быть затронут.